

Глава 25. Заветная миска

Ху Фань на мгновение опешил, а затем расплылся в ухмылке:

— Кто не в курсе, решит, что ты в папаши заделался.

— Проваливай, — бросил Цзян Чжоу, отпихивая его в сторону, и, прижимая к себе подарок, вернулся за столик.

Цзян Си уже налил брату чашку розового чая. Цзян Чжоу отхлебнул, одновременно протягивая ему сверток:

— Глянь-ка.

— Это что... миска? — Цзян Си осторожно выудил подарок.

Поверхность была покрыта нежно-зеленой глазурью, а на боку красовался рисунок: в кресле-качалке уютно устроилась маленькая белая собачка; слева над ней висело солнце, а справа — лунный серп. Полюбовавшись обновкой, Цзян Си не удержался от смешка:

— Гэгэ, у нас же дома полно посуды. Зачем ты её купил?

— Я её сам сделал, — буркнул Цзян Чжоу, искоса наблюдая за его реакцией.

Цзян Си замер и принялся рассматривать подарок с удвоенным вниманием. Восторг, который он пытался скрыть, всё равно пробился наружу — в изгибе губ, в сиянии глаз из-под опущенных ресниц. Он бережно обхватил миску ладонями.

— Ты ходил делать её вместе с Сяо Куэй?

— Ну да. Скажи, ведь мой подарок круче, чем та дурацкая кружка, которую состряпала эта малявка? — Цзян Чжоу не преминул уточнить.

— Та кружка вовсе не дурацкая, — улыбнулся Цзян Си. — Но твой подарок... Гэгэ, он всегда самый лучший. И та картина, и эта миска — мне всё безумно нравится.

«Умеет же малец подбирать слова», — подумал Цзян Чжоу, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло.

Он подался вперед, заговорщицки понизив голос:

— Но это еще не всё. У меня припасен третий подарок.

Цзян Си замахал руками:

— Хватит, правда! Не нужно мне никаких «наборов из трех предметов».

Цзян Чжоу хотел было сказать, что вручит его дома, но взгляд его упал на микрофонную стойку в углу. Поднявшись, он заметил, что там, у стены, за это время успели соорудить крошечный полукруглый подиум.

Он перехватил Ху Фаня, разносившего выпивку:

— Когда вы это успели соорудить? В прошлый раз не было.

— Да вот, пару дней назад. Дядя надеется, что живая музыка привлечет побольше народу, но, по-моему, это мартышкин труд, — Ху Фань скептически качнул головой.

— И что, никто еще не выступал? — поинтересовался Цзян Чжоу.

— Почему же? Дядя самолично упражняется. Если удержишься, сможешь насладиться душераздирающими балладами в исполнении меланхоличного мужчины средних лет... — Ху Фань осекся. Цзян Чжоу не из тех, кто спрашивает просто так. — Слушай, у дяди есть гитара и эрху. Что выберешь?

— Глупый вопрос, — хмыкнул Цзян Чжоу.

Он взъерошил волосы Цзян Си:

— Сиди и смотри, как брат закрывает план по подаркам.

— Чтобы ты сам вызвался петь? Раньше тебя в храм надо было тащить, чтобы ты рот открыл. А тут такая инициатива! — Ху Фань протянул ему гитару, принесенную из подсобки.

— Твоему дяде сказать не нужно? Гитара-то его, — уточнил Цзян Чжоу.

— Брось, инструмент в баре — общее достояние, — отмахнулся Ху Фань. — Слушай, ты чего таким ворчливым стал?

— Благотворное влияние окружения, — Цзян Чжоу перекинул ремень через плечо и тронул струны. Звук был вполне достойным.

Пока Ху Фань представлял его гостям, Цзян Си внизу едва не подпрыгивал от возбуждения, всё так же прижимая к груди свою драгоценную миску.

— Эту песню я хочу посвятить нашему сегодняшнему имениннику. Цзян Си, с днем рождения.

Голос Цзян Чжоу, глубокий и бархатистый, коснулся слуха, словно мягкая кошачья лапа, вызывая у именинника приятную дрожь. «С днем рождения... С днем рождения...» Цзян Си готов был слушать эти слова бесконечно, хоть по тысяче раз на дню.

Стоило зазвучать первым аккордам, как Цзян Си понял — этой песни он раньше не слышал. Да еще и на английском. Странно: обычно брат посмеивался над англоязычными хитами, называя их пафосными, но сейчас... сейчас он звучал невероятно стильно и современно.

Песня закончилась, а Цзян Си так и сидел с открытым ртом. Брат подмигнул ему со сцены, и мальчик от волнения едва не раздавил свою миску. Цзян Чжоу уже собирался уходить под вежливые аплодисменты, как вдруг какой-то мужчина за ближайшим столиком зычно крикнул:

— Эй! Я хочу заказать песню!

Это был тот самый богатей, чей стол был заставлен пустыми бутылками. Он поднялся, пошатываясь, и ткнул пальцем в сторону сцены:

— Спой-ка мне эту... «Ай ни». Давай, «Люблю тебя» Ван Синьлин!

Цзян Чжоу вскинул бровь:

— Ого, а вы знаток классики.

В баре раздались смешки. Цзян Си, успевший спрятать подарок в пакет, тоже прыснул.

— Ты же тут вроде как нанятый певец? Гости заказывают — ты поешь. У меня деньги есть! — Мужчина небрежно выудил из кошелька две красные купюры. — За двести споешь?

Цзян Чжоу мгновенно помрачнел.

— Я тебе дам двести пятьдесят, если ты сам поднимешься и что-нибудь выдашь.

Он уже начал снимать гитару, но пьяница не унимался:

— Пятьсот! Пятьсот даю! Чего ты тут из себя недотрогу строишь, если вышел торговать своим голосом?

Цзян Си напрягся. Судя по выражению лица брата, через секунду гитара могла встретиться с головой этого наглеца. Ху Фань поспешил вмешаться, пытаясь сгладить углы:

— Тише, тише, уважаемый, не кипятитесь! Это мой друг, он не работает здесь. Он просто спел для младшего брата в честь праздника, он вовсе не...

— Ах, значит, еще не продажный? Ну, тогда даю тысячу! — Мужчина с размаху шлепнул стопку денег на стол. — Спорим, не устоишь?

Цзян Чжоу закатил глаза, поудобнее перехватил инструмент и дважды постучал по микрофону.

— Продажным певцом я стать еще не успел, но раз уважаемый гость так настойчив... Что ж, не судите строго.

Цзян Си, уже собравшийся бежать к подиуму: «...»

Ху Фань, всё еще удерживающий буйного мужика: «...»

Пьяный спорщик, приготовившийся к новой порции ругани: «...»

Сотрудники бара сориентировались мгновенно и включили фонограмму. И тут Цзян Си увидел невероятное: его брат — тот самый парень, который только что выглядел смертельно опасным и крутым, — под задорный ритм начал умильно пританцовывать и петь самым сладким голосом:

— «Если ты внезапно чихнул — значит, я скучаю по тебе. Если телефон разбудил среди ночи — это я забочусь о тебе...»

— Пф-ф-ф!!! — сидевший рядом старик не сдержался и брызнул вином.

Пел Цзян Чжоу, надо признать, неплохо, намеренно смягчая тембр, и к середине песни кое-кто из посетителей уже начал подтанцовывать. Но этот контраст между его образом и «сахарным» хитом был настолько сокрушительным, что Цзян Си буквально окаменел.

— «...люби меня чуть сильнее, и я буду любить тебя в ответ. Только тогда ты поймешь, что я —

твоя судьба...»

Закончив, Цзян Чжоу вежливо поклонился:

— Благодарю за поддержку, уважаемый.

Всё то время, пока длилась песня, Ху Фань стоял, обнимая пьяного гостя, и оба они слушали как завороченные. Очнувшись, мужчина хрипло кашлянул и протянул деньги:

— Кхм... Что ж, недурно. Намного лучше, чем пела моя бывшая.

— Покорнейше благодарю, — Цзян Чжоу взял купюры, вернул гитару Ху Фаню и, спрыгнув с помоста, подлетел к Цзян Си. Схватив его за руку, он рванул к выходу: — Бежим! Быстрее, пока я окончательно не сгорел со стыда!

Они вихрем вылетели из бара. Цзян Си, толком не понимая, что происходит, лишь мельком заметил у входа знакомую фигуру, но разглядывать было некогда.

Они остановились под раскидистым деревом через несколько кварталов, чтобы перевести дух. Ноги у Цзян Си подкашивались, дыхание сбилось, а над ухом раздался торжествующий вопль брата:

— Ну как?! Впечатлило?!

— Еще как... — пробормотал Цзян Си и вдруг прыснул.

Смех накатил волной, и остановиться было невозможно. Стоило ему вспомнить, как Цзян Чжоу «вилял хвостом» под девичью песенку, он согнулся пополам, держась за живот.

— Даю тебе тридцать секунд, чтобы закончить, — сурово изрек Цзян Чжоу, хотя в глазах его плясали чертики.

— Ой, не могу... никак... — Цзян Си едва не повалился на землю. — Это было легендарно! Гэгэ, а поешь ты... ха-ха... и правда здорово.

Минут пять он не мог прийти в себя, прежде чем разогнулся и стер слезы с глаз.

— А я ведь испугался, думал, ты сейчас полезешь в драку.

— Делать мне больше нечего. Зачем бить идиота, если можно на нем заработать? Намного приятнее, — Цзян Чжоу похлопал по карману с деньгами. — Завтра устроим пир горой. Куда пойдём?..

Пока он размышлял, Цзян Си внезапно ахнул:

— Миска! Мы забыли миску! И скейтборд!

Он уже собрался бежать обратно, но Цзян Чжоу поймал его за воротник:

— Куда ты? Ничего с ними не случится, завтра заберем.

Сам он под дулом пистолета не вернулся бы в этот бар сегодня вечером.

— А если украдут? — заволновался Цзян Си. — Гэгэ, подожди меня здесь, я быстро.

— Я позвоню Ху Фаню, попрошу приглядеть, — Цзян Чжоу достал телефон.

Несмотря на заверения, Цзян Си места себе не находил. Это же его «кормилица», как можно её бросить? Дождавшись, пока брат уйдет к себе в комнату, он тихо выскользнул из дома и поспешил обратно в «Чунь».

Народу в баре прибавилось. Место, где они сидели, уже заняла другая компания. Ху Фань, завидев Цзян Си, удивился:

— Цзян Чжоу же сказал, что вы завтра придете?

— Да мне всё равно делать нечего, вот и решил прогуляться, — уклончиво ответил мальчик.

— Понимаешь, тут такое дело... — Ху Фань замялся. — В общем, вещи твои здесь, но с миской беда. Официант убирал со стола, не заметил и задел её...

Она раскололась ровно надвое.

Солнце осталось на одном осколке, луна — на другом. Кресло-качалка и собачка развалились пополам. На душе у Цзян Си стало горько: его сокровище, из которого он не успел съесть ни единой ложки риса, было безнадежно испорчено.

— Прости, парень, — виновато проговорил Ху Фань, глядя, как тот сверлит взглядом обломки.
— Давай я тебе новую куплю? Или эту выкуплю... Сколько она стоила?

«Ты не сможешь её возместить. И купить её нельзя», — хотел сказать Цзян Си.

Но он лишь покачал головой и, забрав пакет с остатками подарков, вышел на улицу.

— Эй, малявка.

Не успел он пройти и нескольких метров, как перед ним выросла чья-то тень. Человек в бейсболке и маске преградил ему путь. «Грабитель?» — мелькнуло в голове. Денег у него с собой не было, разве что скейт отдать...

Но человек стянул маску, и под ней оказалась Лу Инь.

Ах, точно, та фигура у входа — это была она.

— У тебя же сегодня день рождения? — Она присела на корточки перед ним. — Чего физиономия такая кислая?

От неё несло спиртным.

— Ты пила.

— И что с того? — Лу Инь заглянула в пакет. — Разбилась? Из-за этого расстроился?

«Странная она всё-таки. Очень странная», — подумал Цзян Си.

Слова, которые она говорила тогда у бассейна — те слова, что он старательно забывал рядом с братом, — начали всплывать в памяти одно за другим.

«Не такой, как другие дети».

«Холодный, заикленный, эгоист».

«Твоему брату не повезло».

Цзян Си сглотнул и попытался обойти её, но Лу Инь преградила дорогу:

— Чего молчишь? Я тебя спрашиваю.

— Да так, — буркнул он.

— «Да так»... Вот за это я тебя и не люблю. Знаешь почему? — Она замолчала, не дождавшись вопроса. — Потому что тебя слишком разбаловали. А теперь посмотри на меня. Твой брат со мной в контрах, он весь вечер пел и даже не взглянул в мою сторону. Думаешь, я расстроилась? Видишь на моем лице печаль?

Цзян Си секунду смотрел ей прямо в глаза.

— Вижу.

— Вот же засранец, — Лу Инь поднялась, но от резкого движения её качнуло. Она замерла, пытаясь вернуть равновесие. — Ладно, веди меня к остановке.

— Мне домой надо, — отрезал Цзян Си.

— Проводишь, а потом пойдешь. Имеешь ты хоть каплю джентльменства?

Цзян Си не шелохнулся.

— Чего тебе от меня нужно? — тихо спросил он.

— В смысле?

— Что ты собираешься со мной делать? — Он инстинктивно отступил на пару шагов. — Я не хочу быть твоим громоотводом. Если злишься на брата — не вымещай на мне.

«Да, я именно такой ребенок: не желаю входить в чужое положение».

— Да на кой ты мне сдался... Я сегодня вообще к твоему брату шла. Ай, ладно, провожай давай, — она махнула рукой и зашагала вперед.

Цзян Си мог бы просто убежать — им было не по пути, но, помедлив, он всё же поплелся следом.

Они шли на расстоянии шага друг от друга. Лу Инь выпила немного, так что по крайней мере могла идти по прямой. Но вот язык у неё развязался на славу — пьяная, она была втрое болтливее обычного.

— Послушай, до того как приехать сюда, я меняла школы каждые полгода, — вещала она. — Только привыкнешь — и снова в чужую среду. Паршиво, знаешь ли. Но я человек целеустремленный. Каждый раз, оказываясь на новом месте, я ставила себе задачу: влюбить в себя самого крутого парня в школе. Чтобы он жить без меня не мог. Только так я чувствовала, что действительно оставила след.

— Когда я пришла в «Жэндэ», сразу положила глаз на Цзян Чжоу. Он тогда на площадке в баскетбол играл... ох, ты бы видел его тогда, хотя чего я рассказываю. Мне казалось — пара пустяков. Твой брат парень бесхитростный. Но кто же знал, что в делах сердечных он — настоящая монолитная плита. И всё же я до сих пор не верю, что я ему безразлична, — Лу Инь обернулась и погрозила Цзян Си пальцем. — Не верю, что есть парень, который ничего ко мне не чувствует. Категорически не верю.

Наконец они дошли до остановки. Цзян Си с облегчением сбросил ношу на скамью. Лу Инь присела рядом.

— Сяо Цзян Си, прости меня.

Мальчик замер.

— За тот случай в бассейне. Я была неправа и прошу прощения.

— Я до сих пор не поняла, почему твой брат так себя ведет, но знаю, что ты тут ни при чем.

Она протянула руку:

— Мир?

Цзян Си помедлил, а потом осторожно пожал её пальцы.

— Считаю, что я сегодня добрый.

Лу Инь рассмеялась. Посмотрев на него, она вдруг выдала:

— А ведь ты брату ничуть не уступаешь. Слушай, может, подождешь меня пару лет? С тобой, небось, крутить любовь куда приятнее, чем с ним.

«Господи, какая же она всё-таки странная птица».

— Со мной тоже... не сахар, — честно признался Цзян Си.

Лу Инь расхохоталась на всю улицу.

Ли Шу прислал Цзян Чжоу фотографию. Свою девушку он предусмотрительно обрезал, оставив в кадре только себя и Сиси.

Ли Шу: «Так ведь куда лучше смотрится?»

Цзян Чжоу: «Да уж, с такой внешностью конкурентов нет».

Ли Шу: «Заткнись, это всё благодаря Сиси. Смотри, какой он милашка».

И правда, милашка. Глаза на фото у Цзян Си круглые-круглые, словно он сам от себя в шоке.

Цзян Чжоу и сам не понял, что на него нашло в тот момент. Стоило подружке Ли Шу подлезть к брату, как первой мыслью было — отвесить ей подзатыльник. Но, рассудив, что насилие — не выход, он решил просто влезть в кадр третьим лишним.

— Сяо Найси! — Цзян Чжоу коротко стукнул в дверь и вошел без приглашения. — Глянь, какая у нас фотка классная.

Цзян Си рефлекторно накрыл что-то на столе руками. Он вернулся совсем недавно и как раз пытался склеить обломки.

— Ты чего еще не в душе? — Цзян Чжоу окинул его взглядом, а потом кивнул на стол: — Снова партизанишь?

Поняв, что скрываться бесполезно, Цзян Си понуро опустил плечи.

— Я ходил за миской. Она разбилась.

— Чего?! — Цзян Чжоу аж подскочил. Его первый в жизни шедевр прожил преступно мало. — Это в баре её грохнули?

— Сказали, случайно задели, когда прибирались, — Цзян Си вздохнул, глядя на черепки. —

Прощай, заветная миска.

— Да ладно тебе, — Цзян Чжоу, хоть и сам расстроился, принялся утешать брата. — Давай попробуем склеить.

Склеить-то склеили, но тонкий неровный шов всё равно пересекал рисунок.

— Будет стоять как сувенир, — резюмировал Цзян Чжоу, водружая миску на полку. — Если тебе действительно не из чего есть — я сделаю тебе новую.

Настроение у Цзян Си мгновенно подскочило. Он робко потянул брата за рукав:

— Ты ведь над этой первой долго мучился, да?

— Еще бы. Сяо Куэй со своими мелкими надо мной всё время подтрунивала, я их чуть там не передушил, — пожаловался Цзян Чжоу. — Спасло только мое олимпийское спокойствие.

— Гэгэ, ты такой милый, — Цзян Си сжал его ладонь. — Так и хочется тебя укусить.

— Я давно заметил за тобой эту странность, Цзян Сиси, — Цзян Чжоу усмехнулся. — Ты, когда радуешься, всегда кусаться лезешь?

— Не только. Когда злюсь — еще сильнее хочется, — признался Цзян Си. — Но я стараюсь сдерживаться. А то вдруг кусок мяса отхвачу?

— Ой, мама! — Цзян Чжоу картинно отдернул руку. — Ты что же это, только меня одного грызть собрался?! Это же мясо, живое мясо!

— Да нет же, Гэгэ, я шучу. Я себя кусаю, когда злюсь, — Цзян Си рассмеялся, поглаживая его по руке. — Не бойся, не трону.

— Кто боится? Я, по-твоему, не актер, что ли? — Цзян Чжоу шагнул к нему ближе. — Значит, ты не просто когда радуешься, а когда очень радуешься, так, что слов не хватает, — тогда и тянет кусаться?

— Вроде того, — кивнул Цзян Си.

Цзян Чжоу внезапно вытянул руку прямо перед его лицом и глубоко вдохнул:

— Валяй. Кусай.

От работающего кондиционера кожа покрылась мурашками. Цзян Си долго смотрел на протянутую руку, а потом тихо проговорил:

— Гэгэ... ну ты и псих.

<http://bllate.org/book/17532/1705250>